

**Е. М. СОЛОНОВИЧ<sup>1</sup>**

## **ИЗ ОПЫТА ПЕРЕВОДА ДАНТЕ**

В статье идёт речь о трудностях перевода поэта, решение которых иногда приводит к неожиданным открытиям. Постижение глубинных смыслов «Комедии» может помочь выжить даже в самых нечеловеческих условиях.

*Ключевые слова:* Данте, «Новая жизнь», «Божественная комедия», «Ад», перевод, Илья Николаевич Голенищев-Кутузов, Примо Леви, Осип Мандельштам.

Нам, иностранцам, трудно проникнуть  
в последнюю тайну чужеродного стиха.  
Не нам судить, не за нами последнее слово.

*О. Мандельштам. Разговор о Данте [1, 131]*

В начале 1960-х годов, за несколько лет до семисотлетнего юбилея Данте, Илья Николаевич Голенищев-Кутузов предложил мне участвовать в переводе стихотворений автора «Божественной комедии». Предложение было тем более лестным, что другую часть итальянских стихотворений «высочайшего поэта» Голенищев-Кутузов собирался перевести сам, и предназначались наши переводы для серии «Литературные памятники» издательства «Наука».

Представление моё о стихах (именно о стихах) Данте ограничивалось к тому времени сонетами, канцонами и балладой из «Новой жизни», а русские их версии — переводами Абрама Эфроса (для юбилейного издания в «Памятниках» новый перевод «Vita nuova» собирался сделать — и сделал — Голенищев-Кутузов). Поэтому сказать, что я был готов к этой ответственной работе, не могу, и каждая рабочая встреча с большим знатоком Данте, каким в 1955 году вернулся из эмиграции Голенищев-Кутузов, становилась для меня неоценимым уроком. Учеником я был прилежным, но усваивал материал медленно, порой неохотно давая себя убедить в правильности «подсказок» учителя.

С чем я сразу согласился, так это с отказом в переводе от кальки *donna* — *донна*, особенно нелепой во множественном числе. В правоте учителя, выбравшего слово *дама* в качестве русского аналога слова *donna*, меня убедили со временем английские переводчики Данте, в чьих версиях героиня куртуаз-

---

<sup>1</sup> Евгений Михайлович Солонович — профессор кафедры художественного перевода, ФБГОУ ВО «Литературный институт имени А. М. Горького» (Москва, Российская Федерация); [evmisolo@mail.ru](mailto:evmisolo@mail.ru)

ной поэзии *donna* превращалась в *lady*, а *donne* — в *ladies*. При этом долгое время проблемой для меня оставался *Amore*, которого я упорно отказывался называть *Амором*, ошибочно отождествляя могущественного властелина любви, бога любви, с крылатым мальчиком Амуром. Заблуждение мое оказалось настолько живучим, что, печатая до и после публикации в «Литературных памятниках» свои переводы стихотворений Данте в изданиях, к которым Голенищев-Кутузов не имел отношения, я решительно заменял Амора на Амура, в чем раскаялся далеко не сразу. Понадобилось немало времени, чтобы на мою ошибку указал мне в одном из своих сонетов сам Данте:

Deh, ragioniamo insieme un poco, Amore,  
E tra' mi d'ira, che mi fa pensare;  
e se vuol l'un de l'altro dilettere,  
Trattiam di nostra donna omai, signore.

Уже первого катрена, а точнее — последней его строки достаточно, чтобы понять разницу между мальчиком (ангелочком) с луком и колчаном, полным стрел, и могущественным мужем (богом) по имени Амор. Обратимся к подстрочнику:

Итак (ну что ж), Амор, поговорим,  
Избавь меня от горьких мыслей,  
И если, господин (сеньор),  
Мы хотим доставить друг другу удовольствие,  
Поведём речь о нашей даме.

В моём переводе этот катрен звучит так:

О бог любви, прошу, поговорим,  
От мыслей тяжких отвлеки речами,  
Мы можем посвятить беседу даме,  
Так хорошо известной нам двоим.

Обращает на себя внимание отсутствие в переводе двух важных слов: *Амор* и *господин (сеньор)*. Отсутствие *Амора* компенсирует *бог любви*, а *господин (сеньор)* появляется в терцетах — причём дважды: первый раз как *сеньор*, второй — как *владыка*:

Так начинай, сеньор, нарушь молчанье,  
Но прежде — о причине, что в пути  
Тебя со мною вдруг соединила.

Любезность или жалость побудила  
Тебя ко мне, владыка снизойти?  
Я слушаю тебя, я весь вниманье.

Ранее проблему с Амуром вынужден был решать — и решил по-своему — А. М. Эфрос, автор предпоследнего на сегодняшний день перевода «Новой жизни», который заменил в своем переводе Амора на Любовь (благо, в итальянском слово *amore* значит *любовь*, с той, правда, разницей, что в итальянском языке слово это — мужского рода). В главе III «Новой Жизни» Эфрос предлагает такую замену:

«...охватил меня сладкий сон, в котором явилось мне дивное видение: казалось мне, будто вижу я в своей комнате облако огненного цвета, за которым

я различил облик некоего мужа, видом своим страшного тому, кто смотрит на него; сам же он словно бы пребывал в таком веселии, что казалось это удивительным; и в речах своих он говорил многое, из чего лишь немногое я понял, а среди прочего понял такие слова: “Ego dominus tuus”<sup>1</sup>.

На руках его словно бы спало нагое существо, лишь легко прикрытое, казалось, алой тканью; и взглядевшись весьма пристально, я узнал Донну поклону... <...> Поразмыслив о том, что явилось мне, я решил оповестить о нём многих из тех, которые были знаменитыми трубадурами того времени; а так как я уже стал замечать в себе искусство слагать слова в стих, то и решил я сочинить сонет, в котором приветствовал бы всех верных Любви...»

Сказав «А», скажу и «Б», процитировав в переводе Эфроса оба катрена и первый терцет сонета «A ciascup'alma presa e gentil core»:

Чей дух пленён, чьё сердце полно светом,  
 Всем тем, пред кем сонет предстанет мой,  
 Кто мне раскроет смысл его глухой,  
 Во имя госпожи Любви — привет им!

Уж треть часов, когда дано планетам  
 Сиять сильнее, путь свершили свой,  
 Когда Любовь предстала предо мной  
 Такой, что страшно вспомнить мне об этом.

В веселье шла Любовь; и на ладони  
 Моё держала сердце; а в руках  
 Несла мадонну, спящую смиренно...

Разница между «неким мужем», в прозаической части главы назвавшим себя «повелителем» автора, и «госпожой Любовью» и просто «Любовью» в сонете, настолько очевидна, что непонятно, как на эту разницу не обратил внимания Владимир Фаворский (на соответствующей гравюре изображена дородная женщина с крошечной женщиной на руках; книга вышла в 1965 году).

Поделившись собственным опытом переводчика лирического наследия Данте, хочу вспомнить теперь об опыте человека, которому пришлось переводить Данте в необычных условиях — в нацистском лагере смерти. Этим человеком был итальянец Примо Леви, описавший своё пребывание в Аушвице в книге «Человек ли это?».

Один из солагерников Леви, двадцатичетырёхлетний студент из Эльзаса по имени Жан, хочет учить итальянский, и, идя с ним за баландой для всей бригады, Леви даёт ему первый урок, выбрав в качестве учебного материала «Божественную комедию», двадцать шестую песнь «Ада». Каждая деталь этого необычного урока настолько важна, что вместо того чтобы пересказывать его описание, правильнее будет «передать слово» учителю:

«До чего же непривычно, странно пытаться рассказать в двух словах о том, кто такой Данте, что такое “Божественная Комедия”, как построен Ад и как там князят грешников; объяснять, что Вергилий олицетворяет Разум, а Беатриче — Теологию.

<sup>1</sup> Я господин твой (лат.).

Жан слушает меня с огромным вниманием, и я начинаю читать, медленно и внятно:

Lo maggior corno della fiamma antica  
Cominciò a crollarsi mormorando,  
Pur come quella cui vento affatica.

Indi, la cima in qua en là menando,  
Come fosse la lingua che parlasse  
Misse fuori la voce, e disse: Quando...<sup>1</sup>

Тут я останавливаюсь и пробую перевести. Кошмар! Несчастный Данте, несчастный французский язык!

.....  
Я спешу, ужасно спешу. Слушай внимательно, Жан, сосредоточься, мне очень нужно, чтобы ты понял это место:

Considerate la vostra semenza:  
Fatti non foste a viver come bruti,  
Ma per seguir virtute e conoscenza.

Я поражён, точно и сам слышу это впервые. «Подумайте о том, чьи вы сыны: / Вы созданы не для животной доли, / Но к доблести и к знанию рождены».

Как будто ангел вострубил, как будто раздался глас Божий. На секунду я забываю, где я и кто.

Жан просит меня повторить еще раз. Какой он чуткий — понял, что мне это доставит удовольствие. А может, он не ради меня, может, до него дошёл подлинный смысл этих слов, он почувствовал, что они касаются его самого, касаются всех, кто страдает, и в особенности нас, нас двоих, осмелившихся рассуждать о таких вещах здесь, в лагере...»<sup>2</sup>

Предпослав своему выступлению эпиграф из «Разговора о Данте» Мандельштама, я хочу и завершить словами Мандельштама, подтверждающими правоту последних слов Примо Леви в приведённом мною отрывке из его книги «Человек ли это?»:

«Немыслимо читать песни Данта, не оборачивая их к современности. Они для этого созданы. Они снаряды для уловления будущего» [1, 130].

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мандельштам Осип*. Разговор о Данте // Слово и культура: О поэзии. Разговор о Данте. Статьи. Рецензии. М.: Сов. пис., 1987.

<sup>1</sup> С протяжным ропотом огонь старинный  
Качнул свой большой рог; так иногда  
Томится на ветру костёр пустынный.

Туда клоня вершину и сюда,  
Как если б это был язык вещавший,  
Он издал голос и сказал: «Когда...»

(Ад. Песнь XXVI. Здесь и далее в переводе М. Л. Лозинского).

<sup>2</sup> Перевод Е. Дмитриевой.